

УДК 930.1+947«1925»

Эволюция отношения к декабристам в русском обществе (заметки к постановке вопроса)*

Т. А. Перцева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье рассматриваются возможности изучения не только самого движения декабристов и судеб «дворянских революционеров», историографии этой проблемы, но и природы отношения к ним различных слоев русского общества на разных этапах исторического развития России.

Ключевые слова: декабристы, историография декабризма, мифология декабризма, русское общество, источники.

Немного найдется в нашей истории событий (исключая, может быть, борьбу за свою самостоятельность и независимость), к которым в обществе сохранялся бы постоянный интерес. И одно из них – история декабристского движения. Доказательство тому – огромное количество книг, не только научных, но и художественных, спектакли, фильмы, специализированные музеи, нередкие апелляции представителей самых разных политических течений (и в прошлом, и в настоящее время) ко взглядам, делам, примеру «дворянских революционеров».

Правда, здесь, наверное, следует сделать несколько оговорок. Во-первых, наличие постоянного интереса не предполагает однозначности и неизменности отношения к этому историческому явлению. Оно может быть и положительным до восторженности и преклонения, и отрицательным до полного неприятия; одно может сменять другое в зависимости от идеологических установок и политической конъюнктуры, а могут оба мнения сосуществовать и одновременно, особенно в переходные периоды и «смутные времена». Далеко за примерами ходить не надо, сегодняшний день предоставляет возможность все это увидеть собственными глазами. Интерес (или антиинтерес) может носить как массовый характер (тема становится модной, что называется, «на слуху»), так и быть уделом лишь избранных кругов общества (ученых-гуманитариев, учителей, творческой интеллигенции и т. п.).

Таким образом, второе обстоятельство, которое необходимо учитывать, рассматривая данный вопрос, – что понимается под термином «общество». При всей простоте и постоянной его употребляемости, с ним далеко не все просто. Даже обычный «Толковый словарь» дает, по меньшей мере, шесть

---

* Статья посвящена 90-летию со дня рождения Семена Федоровича Коваля.

определений. Кроме того, существуют философское, социологическое, культурологическое и другие определения, выделяющие и подчеркивающие наиболее значимые для этих наук аспекты. Вряд ли в контексте рассматриваемой проблемы все они применимы, но учитывать эти нюансы необходимо.

Самое общее и универсальное из определений – взгляд на общество как на «совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей». Понятие, бесспорно, объемное, требующее дополнительных уточнений. Безусловно, сохранилась относительная неизменность географических рамок. Относительная – потому что происходили то расширение, то сужение границ страны, а также вольная или невольная эмиграция части населения, т. е. появление колоний русского общества вне страны. Длительная консервация (пусть в иные периоды и объективно необходимая) общественных отношений, четко отделявших одно сословие от другого, также способствовала сохранению хотя бы внешней стабильности материальной и духовной деятельности людей. Даже в советское время, несмотря на формальную бесклассовость, стратификация общества сохранялась, и хотя содержание этого деления стало иным, оно продолжало оказывать определенное влияние на неоднородность «единой общности – советского народа». Тем не менее, медленнее, чем в некоторых европейских странах, под воздействием все большей включенности России в международные отношения, изменения характера образования, модификации системы власти, модернизации экономики, ослабления влияния церкви и многих других факторов русское общество изменялось.

Дворянин второй половины XIX в., сколько бы он ни гордился заслугами прадеда, уже ни по образу жизни, ни по политическим, а тем более этическим убеждениям на него не походил. «Кулак» из постстопыпинской деревни был бы воспринят односельчанами екатерининской эпохи как новый барин, еще более ненавистный, поскольку был «из своих». Любопытно, что на это обстоятельство обратили внимание еще декабристы. В одном из своих знаменитых «Писем из Сибири», в 1838 г., М. С. Лунин писал: «Начало народности требует пояснения. Если под оною разумеют выражение обычаев, нравов, законов, всего состава *общественного* (подчеркнуто мною. – Т. П.), то она будет изменяться с каждым периодом нашей истории. Баснословные времена, времена Рюрика, господство монголов, владычество царей, эпохи императоров представляют столько же разных народностей» [4, с. 94]. Изменчивость и неоднородность общества в таком широком понимании, безусловно, затрудняют исследование интересующей проблемы.

Тем не менее, отдельные аспекты этой проблемы (и отдельные части этого самого общества), возможно, определяя для себя несколько иные задачи, историки уже давно разрабатывают. Я имею в виду сообщество ученых (исследования по историографии, источниковедению, литературоведению, искусствоведению), политиков разных периодов, чье отношение к названной проблеме находило свое воплощение в законах, постановлениях, инструкциях и пр.; осмысление этой темы в произведениях творческой интеллигенции. Правда, по большей части все эти исследования носят узкий, конкретный характер и не связаны между собой.

Следует отметить, что отношение к декабристам в русском обществе рассматривалось до сих пор лишь в отдельных аспектах и в определенные периоды. Применительно к XIX в. изучались реакция крестьянства на восстание, солдатские отклики, отношение к «государственным преступникам» сибирских крестьян, купечества, чиновников местных администраций, духовенства [3; 5; 8; 10; 16]. Достаточно актуальной была эта тема для литературоведов, изучавших творчество самих декабристов или писателей, бывших достаточно близкими им по родству или духовным идеалам [1; 9; 11; 14]. Частично обращались к ней и педагоги, рассматривая тему «Декабристы в образовательном процессе русской, советской и российской школы» [2; 6; 7]. Такая фрагментарность совершенно естественна и неизбежна. И, прежде всего, потому, что здесь есть большие трудности с источниками. В записках, дневниках, письмах, воспоминаниях образованных людей того времени сведения о восприятии этого события (восстания и судьбы декабристов), особенно низами (а ведь они-то и составляют большинство столь широко понимаемого общества), встречаются нечасто и носят скорее вид общего фона. Либо в них сообщаются отдельные, наиболее яркие, драматичные или, напротив, курьезные факты (например, широко тиражируемая солдатская расшифровка термина «конституция» как имени жены великого князя Константина Павловича). Несколько расширяют эту базу донесения и обзоры III Отделения об умонастроениях в стране, записки путешественников, особенно иностранцев, целенаправленные поиски воспоминаний старожилов историками уже в конце XIX – начале XX в. (экспедиции Ушарова, Кубалова по местам ссылки декабристов).

Что касается века двадцатого, то, полагаем, здесь мы просто еще не задумывались об этой базе, и классификация источников для такого рода исследований еще не разработана. Но это вовсе не означает, что их нет, более того, в век почти поголовной грамотности круг этих источников существенно расширился. В него входят и публицистика, и статистика, интернет-ресурсы, сведения о посещаемости населением специализированных публичных лекций, тематических вечеров, музейных экскурсий и пр., данные об участии различных социальных групп в различных конкурсах и викторинах по соответствующей тематике, учебно-методическая литература для школ и вузов, сочинения и контрольные работы учащихся, даже анекдоты и частушки, где в том или ином ракурсе присутствует тема декабристов. Но все это пока только возможности, к воплощению которых в жизнь историки только присматриваются [12; 13; 15].

Определенную трудность представляет и то, что массовое народное сознание сосредотачивает внимание, как правило, на том, что имеет непосредственное отношение к нуждам и чаяниям обездоленного большинства, что связано с их повседневными, обыденными интересами, но не всегда адекватно соотносит происходящее с этими интересами. Восстание декабристов в 1825 г., безусловно, было знаковым событием, так как им начиналось новое царствование. А новое царствование всегда вызывало надежды на освобождение от крепостной зависимости и изменение жизни к лучшему. Выступле-

ние дворян (явление для России из ряда вон выходящее) породило массу слухов. Оно расценивалось по-разному: одобрительно (хотели помочь народу), отрицательно (царь хотел освободить свой народ, а дворяне воспротивились). Но это был лишь сиюминутный интерес к необычному событию, имеющему побочное отношение к главным ожиданиям. Освобождения не случилось, а восстание потерпело поражение. Бунтовщиков наказали, и весьма сурово. Это тоже породило двойственное отношение: от сочувствия к страдальцам до злорадства – и дворян стали наказывать. Но опять ничего не случилось, все осталось по-старому. И если для крестьян, принадлежавших декабристам и их родственникам в 20–60-х гг. позапрошлого века, и для сибирских крестьян, мещан, купцов, чиновников, земляками которых невольно стали «государственные преступники», интерес к ним сохранялся, потому что это касалось их более или менее непосредственно, то для подавляющего большинства русского общества 30-х гг. XIX – начала XX в. все это было чем-то далеким, не имеющим к ним отношения. Им хватало своих бед и горестей, надо было преодолевать свои трудности и заботиться о своих близких. Если и доводилось что-то услышать (нечастые публикации в журналах, например, в «Русском архиве» или «Русской старине» 1870-х – начала 1900-х гг., тем более запрещенная герценовская «Полярная звезда» до них просто не доходили, а если бы каким-то образом и попадали в их руки, то вряд ли были бы прочтены), это вызывало удивление, может быть, некоторое сочувствие, но вряд ли что-то большее.

Понять планы декабристов широкие народные массы, ради которых и вступили в свою борьбу «лучшие люди из дворян», могли только частично, а оценить – лишь в самом общем виде. Образ мышления простого человека того времени тоже был прост. Отвлеченные, философско-этические обоснования необходимости преобразований, написанные литературным, а порой и научным языком, без дополнительных разъяснений для большинства были непонятны. Хотя, по сути, интересы и народа, и его заступников совпадали, но выражались по-разному, в чем ярко проявились последствия петровских преобразований, создавших для разных социальных групп русского общества свою отдельную социокультурную среду.

Впрочем, объяснения того, что хотели принести народу декабристы, можно (а в тех условиях, наверное, и должно) было направить не столько к разуму, сколько к чувству тех, на кого хотели воздействовать. Кстати, власти, может быть, и неосознанно, шли именно этим путем: в широко распространяемых манифестах о происшедших событиях ничего не говорилось о планируемых декабристами социально-экономических реформах, но очень много о злодействах, царубийстве, не свойственном русскому человеку подражательству чуждому Западу. Вызвать интерес и сочувствие у какого-нибудь саратовского мужика «гнусная личность во фраке», покушающаяся на царя-батюшку, разумеется, не могла.

Оказать положительное влияние на мнение большей части общества в то время можно было бы через искусство, поскольку именно оно обладает возможностью прямого воздействия. Кстати, сложившиеся под влиянием литературы стереотипы восприятия событий и исторических персонажей оказы-

ваются очень живучими, они с трудом преодолеваются даже под влиянием неопровержимых фактов. К примеру, благородный Артемий Волынский из романа И. Лажечникова «Ледяной дом» и «Дум» К. Рылеева и беспринципный политик и взяточник из исторических документов XVIII в. в сознании большинства не совмещаются.

Но декабристская тема была под запретом. И писатели, хотя и обращались к ней, делали это втайне, не рассчитывая на немедленную публикацию. Да и не всякий писатель того времени (как, впрочем, и сейчас) был бы воспринят массами. Психологические сравнения Николая Ставрогина и декабриста Л. (Лунина) в «Бесах» Ф. М. Достоевского ничего не сказали бы не только крестьянину из захолустной деревушки, никогда не выбиравшемуся даже в уездный городишко, но и жителю этого городка – приказчику из лавочки или мелкому чиновнику. Понятнее был бы Н. А. Некрасов, но даже его «Русские женщины», где речь шла о судьбе жен декабристов и лишь вскользь говорилось о них самих, по понятным причинам известны были меньше, чем «Коробейники». И сохранялось такое положение очень долго. Таким образом, в дореволюционный период уважение и благоговение перед памятью декабристов было уделом узкой прослойки образованного общества и сохранялось оно, в значительной мере, благодаря особенностям сознания русской интеллигенции, культивирующей чувство вины перед народом и преклонения перед жертвенностью. Декабристы были для них примером, пусть неудачной, попытки искупления первого и полного воплощения второго.

В советское время, когда безграмотность была ликвидирована и школьное образование стало обязательным, именно школа и искусство, в значительной степени, стали формировать отношение общества к тем или иным событиям, явлениям, персонажам. Или наоборот, не формировать: отодвигать в тень и на окраины, принижать значение, а то и вовсе игнорировать. Разумеется, определяли это не учителя, не авторы учебников, не писатели и не художники. Они следовали «генеральной линии» и, кстати, некоторые вполне искренне: выросши в определенном информационном вакууме, они именно его воспринимали как естественную среду. Но осознанно или нет, именно они формировали общественное отношение к событиям и людям не только своего настоящего, но и питающего это настоящее прошлого. Для нашей ментальности вообще характерно вглядываться в будущее через призму прошлого.

Но декабристам в этом отношении повезло. Если попробовать проанализировать то, что знал о них обычный человек лет 25–30 назад, то в этих знаниях легко можно вычленишь и школьную программу с обязательной цитатой из ленинской статьи «Памяти Герцена» о трех поколениях русских революционеров и далекости первого из них от народа, и пушкинско-одоевское «товарищ, верь» и «из искры возгорится пламя», и идиллию из «Северного сияния» М. Марич, и романтическую фантазию В. Мотыля в «Звезде пленительного счастья». И нельзя сказать, что все это было неправдой. Просто это была не вся правда, в том числе и художественная. «Синие гусары» Н. Асеева, конечно, не были настольной книгой советского школьника, но были доступны

и нередко читались на смотрах художественной самодеятельности. А вот два стихотворения З. Гиппиус с одинаковым названием («14 декабря» – 1917 и 1918 гг.) большинство из нас прочли не так давно. Кстати, здесь есть интересный повод для размышлений – автор тоже с уважением относится к декабристам, но считает, что они хотели вовсе не того, что случилось в 1917 г. Если для Асеева важна готовность декабристов к действию: *«Пора нам со- стукнуть клинок о клинок / В свободу сердце мое влюблено!»*, то для Гиппиус – память о листах *«заветов тайных Муравьева»*. Октябрь 1917 г., таким образом, для первого – завершение дела, начатого в 1825 г., для второй – *«и не осталось даже пепла / от «Русской правды» на земле»*. То есть, по ее мнению, декабристы не были предтечей и начальным звеном поступательного, единого и единственно правильного развития революционных идей. Таким образом, мы видим равное уважение к памяти декабристов, но политические выводы совершенно различны.

Из-за тенденциозно подбираемого и купированного круга источников и единственной, господствующей идеологической трактовки история декабристов получила такой толстый слой глянца, что начала вызывать у некоторых оскомины, чем во многом определяется негативное отношение к «первенцам свободы», столь эпатажно проявляемое некоторой частью общества сегодня. «Непредсказуемость нашего прошлого», похоже, в немалой степени объясняется нашим дискретным его знанием. Каждый новый этап в истории страны, в том числе и нынешний, выдвигал задачу нового (самого правильного) прочтения истории, поиска новой идеи, перераспределения ролей «героев» и «злодеев». При этом в основе того или иного отношения зачастую лежат опять же весьма односторонние, изрядно политизированные суждения. Для современных «монархистов» декабристы – персоны «non grata» в нашей истории потому, что в их планах допускалась возможность цареубийства. То, что далеко не все соглашались с этим, значения, по-видимому, не имеет. Для политиков либерального плана неприемлемы насильственные методы, для радикалов – склонность к реформизму. При этом в пылу отрицающей полемики не замечают, что практически повторяют ситуацию сомнений и споров 1820-х гг. в декабристских организациях. То, что теперь речь идет не об отмене крепостного права, а, например, об обеспечении достойной работой населения на всем пространстве страны, принципиального значения не имеет.

Впрочем, даже сама ожесточенность споров вокруг событий и людей двухвековой давности *volens-nolens* заставляет признать их востребованность в нашей сегодняшней жизни. В свете сегодняшних поисков исторического консенсуса (никак не единомыслия) декабристский «миф», при условии понимания его истоков и смысла, мог бы стать одним из краеугольных камней общественного согласия. Очень хотелось бы, чтобы мысль недавно ушедшего Сигурда Оттовича Шмидта стала своеобразным пророчеством: «Главное в “декабризме” – его общечеловеческое начало “высокой” духовности мысли (“дум высокое стремленье” – как емко определил Пушкин в послании декабристам начала 1827 г.), предопределяющее образ поведения, а не политико-идеологическое выражение мировоззрения декабристов, тем более в попыт-

ках практических политических мероприятий. <...> Тенденция изобразить себя и своих единомышленников наследниками декабристов объясняется благородством этой исторической памяти, сакрализацией ее, а нечеткость общественно-политических позиций декабристов в целом (если мыслить политологическими – и особенно терминологическими – категориями более позднего времени) облегчает попытку сближения с ними разномыслящих потомков» [12, с. 347–348].

1. *Анненкова Е. И.* Гоголь и декабристы. Творчество Н. В. Гоголя в контексте лит. движения 30–40-х гг.) / Е. И. Анненкова – М. : Прометей, 1989. – 174 с.
2. *Беляев М. А.* Движение декабристов и отражение их идей в русской литературе 1-й пол. XIX в. // Русская литература : учебник. – М., 1963. – С. 70–123.
3. *Васильева Е. Б.* Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв. / Е. Б. Васильева. – Омск, 2008.
4. *Лушин М. С.* Сочинения, письма, документы / М. С. Лушин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 567 с.
5. *Матханова Н. П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск, 1998.
6. *Михалева Т.* «В потомках ваше племя оживет...». К 160-летию восстания декабристов // Нар. образование. – 1985. – № 12. – С. 77–79.
7. *Нечкина М. В.* Семинарий по декабризму / М. В. Нечкина, Е. В. Сказин. – М., 1925. – 148 с.
8. *Перцева Т. А.* Декабристы и сибирское сельское духовенство // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие : материалы Всерос. науч. конф. (3–4 февр. 2005 г.). – Иркутск : Анонс, 2005. – С. 109–120.
9. *Постнов Ю. С.* Сибирь в поэзии декабристов / Ю. С. Постнов. – Новосибирск : Наука, 1976. – 112 с.
10. *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1926 – 1857 гг. / М. А. Рахматуллин. – М. : Наука, 1990. – 304 с.
11. *Чистова В. С.* О кавказском окружении Лермонтова (по материалам альбома А. А. Капнист) // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – М., 1979. – С. 188–208.
12. *Шмидт С. О.* Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий С. О. Шмидт // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. – М., 2002. – 365 с.
13. *Эдельман О.* Легенда русского XIX века: декабристы // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. – М., 2013.
14. *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений Н. Я. Эйдельман. – М. : Худож. лит., 1979. – 422 с.
15. *Эрлих С. Е.* Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России / С. Е. Эрлих. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 274 с.
16. *Ячменев Е. А.* В. Н. Баснин и театральная культура Иркутска // Связь времен: Баснины в истории Иркутска. – Иркутск, 2008. – С. 62–69.

Changes in Attitude Towards the Decembrists in Russian Society (Remarks on the Statement of the Question)

T. A. Pertseva

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns an alternative direction for research on the Decembrists. Besides the issues on the Decembrists movement and its history, as well as the noble revolutionaries' destinies, the author suggests to study the nature of the attitude of different Russian social classes towards the revolutionaries in different historical periods.

Key words: the Decembrists, historiography of the studies on the Decembrists movement, mythology of the Decembrists movement, Russian society, sources.

Перцева Тамара Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, 664025, Иркутск, ул. Чкалова, 2, тел. 8(3952)240523, e-mail: pta_999@mail.ru

Pertseva Tamara Alekseyevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of History of Russia, the Irkutsk State University, 664025, Irkutsk, Chkalov St., 2, phone 8(3952)240523, e-mail: pta_999@mail.ru